

СМЕНА ГЕШТАЛЬТА: ЮРИСПРУДЕНЦИЯ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН¹

© 2020 г. Ю. А. Веденеев

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: vedpol45@gmail.com

Поступила в редакцию 02.08.2019 г.

Аннотация. Право существует в форме институтов и в форме представлений об институтах, поскольку представление чего-либо (феномен) имеет концептуальное измерение в представлении о чем-либо (понятие). Репрезентации права и представления о праве – два аспекта выражения и манифестации общей правовой реальности. Отсюда, собственно, и проистекает фундаментальная дилемма в определении предмета юридической науки. Это – наука о праве или наука о правовой науке. Принимая во внимание, что понятие права есть развернутая в систему определений теория права, практический язык права обнаруживает себя в теоретическом языке юриспруденции, и наоборот, языки в рамках, где действует право, и языки, на которых осмысляют явление права, и составляют общий объект и предмет юриспруденции.

Юриспруденция – концептуальная часть правовой реальности, одновременно и объект, и предмет юридической науки. Эволюция юриспруденции в культурно-исторической логике изменений ее предмета и методов лежит в основании изменений ее дисциплинарной структуры и связей в общей системе социальных и политических наук. Каждой культурно-исторической эпохе существования права корреспондирует своя грамматика правопорядка и своя эпистемология права, т.е. свой аналитический язык и дисциплинарный формат юридического знания. Явление права существует в образах и определениях своей социокультуры. Определения и образы не существуют сами по себе. Они функционируют в системе образов и определений, имеющих свою концептуальную и культурную биографию. Понятие права имеет одновременно онтологический и эпистемологический статусы. Право мыслится, поскольку существует, и осмысляется, поскольку определяется. Каждая традиция понимания права понятийно видит в явлении права то, что не видят или не замечают другие традиции правопонимания. В истории развития понятия права (концептуализации права) заключена история развития правовых институтов (институционализации права). Обе составляющие правовой реальности – объективные и субъективные основания и условия возникновения и развития явления права – живут в рамочных определениях своей социокультуры, ее языка и дискурса (т.е. исторических форм осознания и осмысления своего права – от права, обозначенного в ритуалах, мифах, знаках и символах, к праву, обозначенному в канонических текстах, доктринах и понятиях, от права дисциплинарного общества к праву сетевых сообществ, от права политического господства и бюрократического управления к праву гражданских коммуникаций и сетевых соглашений).

Ключевые слова: грамматика традиционного и рационального правопорядка, дисциплинарный кластер, коммуникативные и когнитивные основания права, юридическая картина мира, язык дисциплины, классическая и неклассическая юриспруденция, постюриспруденция, интегративная теория права, юридический дискурс, культурный капитал, понятийные формации.

Цитирование: Веденеев Ю.А. Смена гештальта: юриспруденция в эпоху перемен // Государство и право. 2020. № 1. С. 7–19.

DOI: 10.31857/S013207690008346-2

¹ Статья является продолжением дискуссии по вопросам развития теоретической юриспруденции (см.: Кроткова Н.В. История и методология юридической науки («Круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и журнала «Государство и право») // Государство и право. 2016. № 4. С. 5–31).

CHANGE OF GESTALT: JURISPRUDENCE IN AN ERA OF CHANGE

© 2020 Yu. A. Vedeneev

Kutafin Moscow state law University (MSLA)

E-mail: vedpol45@gmail.com

Received 02.08.2019

Abstract. Law exists in the form of institutions and in the form of representations of institutions, since the representation of something (phenomenon) has a conceptual dimension in the representation of something (concept). Two aspects of expression and manifestation of the General legal reality. Hence, in fact, arises the fundamental dilemma in determining the subject of legal science. It is the science of law or the science of legal science. Taking into account that the concept of law is a theory of law developed into a system of definitions, the practical language of law finds itself in the theoretical language of jurisprudence, and Vice versa—the languages within which the law operates, and the languages in which the phenomenon of law is comprehended and constitute the General object and subject of jurisprudence.

Jurisprudence is a conceptual part of legal reality, both an object and a subject of legal science. The evolution of jurisprudence in the cultural-historical logic of changes in its subject and methods underlies changes in its disciplinary structure and connections in the General system of social and political Sciences. Each cultural and historical epoch of the existence of law corresponds to its own grammar of law and its own epistemology of law, i.e. its analytical language and disciplinary format of legal knowledge. The phenomenon of law exists in the images and definitions of its social culture. Definitions and images do not exist by themselves. They function in a system of images and definitions that have their own conceptual and cultural biography.

The concept of law has both ontological and epistemological status. Law is thought because it exists and understood because it is defined. Each tradition of understanding law conceptually sees in the phenomenon of law what other traditions of legal understanding do not see or do not notice. The history of the development of the concept of law (conceptualization of law) is the history of the development of legal institutions (institutionalization of law). Both components of legal reality—objective and subjective grounds and conditions for the emergence and development of the phenomenon of law live in the framework definitions of their socio-culture, its language and discourse (so historical forms of awareness and understanding of their rights - from the law designated in rituals, myths, signs and symbols, to the law designated in canonical texts, doctrines and concepts, from the law of disciplinary society to the law of network communities, from the law of political domination and bureaucratic management to the law of civil communications and network agreements).

Key words: grammar of traditional and rational law and order, disciplinary cluster, communicative and cognitive bases of law, legal worldview, language of discipline, classical and non-classical jurisprudence, post-jurisprudence, integrative theory of law, legal discourse, cultural capital, conceptual formations.

For citation: Vedeneev, Yu. A. (2020). Change of Gestalt: jurisprudence in the era of change // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 7–19.

*«...различные языки формируют
различные структуры мира».*

Томас Кун

1. Эволюция дисциплины или смена гештальта

Если существует такая вещь, как теория литературы, то кажется очевидным, что есть нечто, называемое литературой, о чем, собственно, и говорит эта теория². Данное утверждение британского литературоведа Т. Иглтона вполне применимо ко

всему корпусу исследовательских проблем, связанных с сосуществованием явления права и теории права. Явление права существует в определениях своего понятия. Оно существует не само по себе, а в системе наличных определений, имеющих свою концептуальную и культурную биографию. Отвечая на вопрос, что есть право, мы должны ответить и на вопрос, что есть правоведение. Вместе с тем очевидно, что в данной постановке вопроса заключено двойное отношение. Определение, что есть право, предполагает определение, что есть теория

² См.: Иглтон Т. Теория литературы. Введение. М., 2010. С. 19; Старобинский Ж. Поэзия и знание: История литературы и культуры. Т. 1–2. М., 2002; Кацис Л.Ф. Смена парадигм

и смена парадигмы. Очерки русской литературы, искусства и науки XX века. М., 2012.

права. Это не герменевтический круг — движение части к целому и целого к части. Здесь одно неизвестное лежит в основании другого неизвестного. Как выскочить из логического круга? Видимо, можно предположить, что обе категории являются составными элементами, точнее, измерениями другой, более широкой культурно-исторической реальности, а именно — правовой реальности. Право переживается, оценивается и осмысливается в рамках своей юридической картины мира, т.е. гештальта своей эпохи. Правовая реальность существует и выражает себя в обозначениях, в образах и понятиях своей правовой системы. Правовая система и есть не что иное, как концептуально и институционально организованная в институтах, представлениях и символах своей культурно-исторической эпохи правовая реальность. Явление права опосредовано пониманием права. Концептуальная история юридической науки — это не только история форм репрезентации, восприятия и осмысления феномена права, но также и (по определению) история преобразований феномена права в различных аспектах и измерениях его бытования.

Право существует и как коммуникация, выраженная в нормативных определениях границ должного и недолжного поведения, и как аналитическое определение, меняющее концептуальные границы своего понятия. Право одновременно концепт и конструкт, социальное явление и социальный продукт, феномен регулярных практик и политического проектирования. Становление права — формирование и развитие нормативного языка правовых институтов — сопровождается параллельным процессом формирования и развития представлений о праве или знаниевых форм права, выражающих культурно-исторические логики и подходы в осмыслении и понимании феномена права. Связь знаний о праве и институтов права, развития дисциплинарной структуры юридической науки и институциональной структуры права очевидна. Связь между историей институтов и историей языка рассуждения об институтах — эмпирический факт, не нуждающийся в доказательствах, но требующий объяснения. Понятие права является элементом правопорядка. Означающее (*дискурс*) производит означаемое, заключено в означаемом и формирует означаемое (*институты*). Право и представления о праве есть не что иное, как отображения юридических форм и смыслов существования человеческой реальности в нормативных и концептуальных определениях ее социокультуры. Правовая реальность, поскольку ее становление и движение в исторически различных практиках и техниках юридической организации социальных отношений связаны культурой восприятия, оценки и переживания должного или недолжного социального порядка, — это ментальная

и когнитивная реальность в ее феноменологии, отражаемой в различных юридических картинах мира или когнитивных стилях правового мышления и понимания права.

Исторические модусы и эпистемические модальности существования и познания права обнаруживают себя на пересечении фактического и воображаемого, социального и ментального. Воображаемое, так же как и фактическое, реально. Различие только в одном. Фактическое умирает и исчезает. Воображаемое сохраняется и наследуется. Эволюция права представляет собой эволюцию множества конкурирующих культурных цепей с их взаимоналожениями, разрывами и преемственностью идей, верований, доктрин и учений, составляющих в совокупности внутреннюю и внешнюю среду обитания любого исторического явления или аксиологию права. Ментально сущее, или юридический концепт действительности, — интегральное ядро правовой реальности как в ее онтологии (*категориях*), так и в ее эпистемологии (*представлениях*) — лежит в основании другой базовой категории юриспруденции — правовой коммуникации. Правовая коммуникация — это обмен образами, представлениями, понятиями или языками понимания и рассуждения о праве в нормативной лексике и семантике своей социокультуры³. Познавательная ценность категории «юридический концепт действительности», введенной в оборот Г.А. Гаджиевым⁴, в изучении правовой реальности в том и состоит, что она заключает в самой себе и онтологические, и эпистемологические основания формирования и права, и науки права. Именно в этой синтетической данности пересечений представлений о действительности и самой действительности, ее субъективной и объективной общей коммуникативно-когнитивной онтологии права и заключено то, что составляет совокупный предмет юриспруденции — понятие права и понятие науки права.

Интегральный статус данной категории превращает ее в рамочную структуру всех возможных

³ См.: *Проди Паоло*. История справедливости. От плюрализма форумов к современному дуализму совести и права. М., 2017.

⁴ См.: *Гаджиев Г.А.* Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013. Правовая реальность всегда осмысливается в основополагающих категориях должного или недолжного порядка отношений, но определяется в образах, метафорах, представлениях и понятиях своей исторической эпохи. Процесс осмысления правовой реальности и есть процесс ее категоризации и концептуализации, посредством которой право обретает свою нормативную и понятийную историческую структуру. Процесс осмысления правовой реальности протекает в системе расширения (сужения) и переопределения ее категориальных и понятийных координат в зависимости от культурно-исторического контекста их формирования и обозначения — предмета археологии юридических знаний и наследия.

изменений и трансформаций правовой реальности (и в ее правовых конструкциях, и в ее аналитических определениях). История права и история науки права – это история смены юридических концептов действительности, мысленных нормативных образов правовой реальности или выражения должного в разнообразных понятийных и нормативных формациях его культурно-исторических манифестаций. Каждой категории наличного правопорядка корреспондирует свой понятийный комплекс и концептуальный цикл движения определений ее содержания и формы⁵. В этом аспекте

⁵ См.: Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976; Демин А.В. «Мягкое право» в эпоху перемен. Опыт компаративного исследования. М., 2016; Васильева Н.В. Категория «правовое регулирование» в понимании советских юристов // Вестник Томского гос. ун-та. 2010. № 331.

Право и наука права – исторические категории. Теория и история права – это теория и история становления и развития правовых явлений в их объективной (правовые категории) и субъективной (правовые понятия) онтологии. Правовые категории и правовые понятия – структурные элементы правовой реальности, оформленные в исторически определенные типы правовых систем. Аналитическое описание и объяснение правовых категорий предполагает разработку как общей, так и функциональных теорий, связанных в своих определениях с другими правовыми и неправовыми категориями. Правовые категории обладают определенной культурно-исторической формой их институционализации и определенной культурно-исторической формой их концептуализации. Правовые категории предполагают исторически выстраданный и аналитически заданный формат или понятийный комплекс, каркас своего описания и объяснения, свой язык рассуждения о праве в целом и его отдельных составляющих элементах.

В этом смысле элемента права – это история и категориальных, и понятийных изменений в содержании и формах его существования и аналитического выражения. Проблема лишь в том, что явление наличного права (бытия права в его исторической онтологии) и явление теории права (бытия права в его исторической эпистемологии) живут в различных пространствах означаемого и означенного. На этот момент сосуществования различных уровней социальной реальности обратила внимание еще О.М. Фрейдберг: «Мы имеем дело с двумя явлениями: во-первых, с действительностью, во-вторых, с концепцией действительности в сознании...» и далее: «система осмысления, которой подвергается реальность, протекает по законам мышления, созданным самой реальностью, и в семантике, выработанной сознанием...» своей эпохи (см.: Фрейдберг О.М. Поэтика сюжета и жанра / подгот. текста, общ. ред. и послесл. Н.В. Брагинской. М., (1936), 1997. С. 56, 106).

Конкретные (предметные) теории права, разрабатываемые в отдельных традициях и версиях понимания права, располагая определенным языком описания и объяснения права, могут не заметить или просто не увидеть явления права в полном объеме его категориальных манифестаций, а значит, и понятийных определений. Категориально-понятийная структура конкретной теории права, заключенная в рамочных определениях и конструкциях эпистемологии своей эпохи, видит в явлении права ровно столько, сколько разрешает скрытый в ней юридический концепт действительности. Логика развития права и логика развития теории права объективно не совпадают и не могут совпадать, поскольку живут в различных темпоральных измерениях общей правовой реальности и (соответственно) динамик и траекторий их изменений, трансформаций и взаимосоответствий.

своего проявления именно генезис юридического концепта действительности (*концептогенез*) и является внутренним источником права (*нормогенеза*). В нем ментально и когнитивно заключено юридическое основание процесса правообразования, которое в свое время было определено Г. Кельзенем в качестве основной нормы или метанормы – мысленного образа должного в наличных культурных практиках социального общения как выражения жизненной энергии различных культурно-исторических форм правосознания своей эпохи⁶.

Иначе говоря, категории, живущие как социально-нормативный факт, и категории, живущие как эпистема или представление, понятие и определение данного факта, не тождественные категории общей правовой реальности. И право, и наука права – живые культурно-исторические явления и категории, подчиняющиеся собственной культурно-исторической логике существования и развития. Различие в том, что одни категории существуют и развиваются как правовые институты, другие категории, т.е. их концептуальные отображения, существуют и развиваются как теории и понятия. Разумеется, они взаимозависимы и взаимопределяют друг друга в сложной исторической топике взаимных отношений. Вечно и дерево жизни, и древо его познания, хотя это различные, но вместе с тем переплетающиеся деревья в совместном жизненном институциональном и концептуальном процессе и циклах своего сосуществования. Все уже заключено и все уже сказано в сакральных текстах и о прошлом, и о настоящем, и о будущем. Всё есть Текст в земном и небесном мирах его метафизического, знаково-символического и предметного воплощения и развития. Важно лишь его прочесть на адекватной природе самого текста языке категорий и понятий. Каждая историческая эпоха существования юридического Текста характеризуется как своей структурой категорий и понятий, так и синхронной или асинхронной динамикой их изменений. Каждая эпоха существования юридического Текста является выражением структуры и динамики сетевых пересечений и наложений внутри общего социального, политического и культурного пространства – интегрального основания становления и развития права и науки права. Явление права и понятие права полагают друг друга, поскольку все, что есть, и все, что будет, есть только юридический Текст, явленный в рамочных определениях исторического контекста и осмысленный в терминах языка социокультуры или юридической картины мира своего исторического времени. Современная эпоха характеризуется сосуществованием в общем социальном пространстве и времени исторически (ментально) различных юридических картин мира, борьбой мифологических, религиозных и рационально-логических культурных формаций за доминирование в границах собственных представлений и языков определения и понимания приемлемых или неприемлемых форм и технологий социального общения. Открытая война цивилизаций по С. Хантингтону, а значит, и юрисдикций, – вполне обозначившаяся сегодня перспектива будущего миропорядка.

⁶ Категории «метанорма» (когнитивные нормы, конвенциональные правила, паттерны, стереотипы восприятия и переживания права) корреспондирует категория «мононорма». Данные категории в историко-генетическом аспекте своего существования и развития являются взаимосвязанными характеристиками отдельных фаз нормативной эволюции систем социального общения, а значит, и концептуальных систем их познания. Мононормы представляют собой продукты органического синтеза первоначального права (*предмет этноюриспруденции*). Метанормы – это итог социокультурного процесса расщепления общего нормативного ядра органических юридических систем и их дифференциации на отдельные автономные составляющие, каждая из которых вырабатывает свой механизм воздействия на

Правовая реальность в ее собственной онтологии отображается в категориях, понятиях и определениях практического и теоретического языка права. Фундаментальная проблема и тема понимания роли языка в практиках социального развития и существования заключаются в том, что язык не только вербально отражает и оформляет социальную реальность. Язык ее создает, определяет и формирует. Социальная реальность подчиняется и следует за своим языком, его значениями и смыслами. Важно при этом различать язык правовых категорий и язык правовых понятий. Категории открываются. Понятия раскрываются. Язык правовых категорий имеет статус существования. Это то, что составляет реальность права определенной исторической эпохи. Правовые категории есть, их открывают и осмысливают. Язык правовых понятий имеет эпистемологический статус. Это то, что составляет реальность знания о праве конкретной исторической эпохи. Правовые понятия разрабатывают и определяют. Обе составляющие правовой реальности — правовые категории, ее объективное начало (*язык объекта*) и правовые понятия, ее субъективное начало (*язык субъекта*), живя в социокультурных границах правосознания своего исторического времени и места, составляют объективную и субъективную онтологию конкретно-исторического правопорядка или практический и теоретический юридический язык своей исторической эпохи.

Каждая историческая эпоха существования права живет в категориях и обозначениях языка своего права. Язык, на котором говорит право, определяет и юридическую форму, и юридическое содержание права. Различение публичного и частного права, жесткого и мягкого права выявляется различиями прескриптивного и дескриптивного языка права, его нормативной грамматики, исторической семантики⁷ и терминологии. Язык, на котором говорит наука права, определяет ее дисциплинарную структуру и ее концептуальное ядро. Значение

поведение отдельных социальных единиц и их коллективных образований. Метанормы являются выражением юридических картин мира или представлений о должном порядке в определенных культурах социального общения, внутри которых оформляют свои относительно автономные сферы нормативной регуляции религия, мораль, право. На их пересечении возникают свои нормативные комплексы, представленные традиционными правовыми системами, религиозными правовыми системами и этико-нормативными системами (*предмет культурно-исторической юриспруденции*). Каждую из перечисленных формаций нормативных систем характеризует своя основная норма или свое базовое представление (*концепт*) о ключевых источниках и формах выражения своего права. Разнообразие форм не меняет фундаментальный смысл правил. Он заключается только в одном — помогать жизни быть тем, чем она может стать, — быть цивилизованной.

⁷ См.: *Кагарлицкий Ю., Маслов Б.* Между Фреге и Фуко: методологические ориентиры исторической семантики // *Понятия, идеи, конструкции. Очерки сравнительной исторической семантики.* М., 2019. С. 9—38.

практического и теоретического языка юриспруденции в том и состоит, что им обозначаются границы и институционализации, и концептуализации права. В этом аспекте своего юридического бытия язык права обладает и формальной, и концептуальной нормативностью. Язык права выражает должное в его коммуникативных значениях (*семантике*) через систему представлений о должном (*концептах*). Язык права, выполняя одновременно и коммуникативную, и когнитивную функции, заключает в себе и регулятивную, и концептуальную грамматику, образующие в совокупности и в их взаимных переплетениях общую грамматику правопорядка, включая его метафорические и символические конструкции.

Юридическая наука до сих пор недооценивает нормативный и аналитический потенциал, *заключенный* в языке метафор⁸. Метафорика — составная часть языка права. Ее символические определения образуют письменность глубинных оснований права своей эпохи и являются органичной частью правовой реальности. Такие конструкции, как «невидимая рука рынка», «живое право и мягкое право», дают для понимания сущности бытия реальной действительности больше, чем горы теоретико-методологических причитаний на эту тему. Метафорическое содержит в себе потенциальную возможность превращения символического в фактическое. Резонно предположить: если есть нечто, именуемое позитивным правом, то его тенью проявлением является негативное право; если имеет место естественное право, то его латентным продолжением является противоестественное право, жесткому праву корреспондирует мягкое право. Язык метафор — индикатор возможного будущего, спрятанного в его прошлом и настоящем. Метафорическое отношение к действительности выражает универсальное основание и шкалу возможных процессов институционализации и концептуализации права (правообразования и правопонимания) — органическую бинарную структуру, в которой эвентуально присутствуют все актуальные и потенциальные формы права и знания о праве. Есть только фундаментальная парадигматическая оппозиция должного «*a* и *не-а*» — Хаоса и Космоса. Все остальные модальности живого права заключены между ними природой и культурой. Иначе говоря, наличные правовые институты и понятия об институтах — изначально и всегда незавершенные в себе и преходящие исторические проекты и формы выражения и существования подвижного практического и теоретического языка права. Язык обнаруживает свое актуальное юридическое значение через наименование явления. Дать имя — значит выделить, обозначить и подчинить себе явление.

⁸ См.: *Рикер П., Гадамер Х.-Г.* Феноменология поэзии. М., 2019.

Понимание права и правоведения как особых форм существования и выражения юридического языка открывает новую перспективу в изучении правовой реальности как языковой и символической реальности. Смена доминирующих концептуальных традиций понимания и отношения к праву, или правовой гештальт, благодаря чему, собственно, и движется, и меняется правовая реальность, чтобы снова и снова периодически возвращаться к своим фундаментальным истокам и открывать новые циклы своей культурно-исторической эволюции, и составляет действительный предмет правовой науки. Различные исторические формации юридического знания выражают содержательные и концептуальные рамки права и науки права каждой исторической эпохи. Каждая историческая эпоха существования науки права говорит на своем языке описания и объяснения права.

Познание права включает в себе критику науки права. Эволюция права и есть эволюция языка рассуждений о праве в культурно-исторических границах своего концепта юридической действительности. Теоретическая разработка данной категории охватывает весь спектр фундаментальных проблем и тем юридической науки, и прежде всего вопросов комплексного изучения различных правовых систем с точки зрения общих и особенных оснований и условий *происхождения* и исторического развития лежащего в их основании юридического языка, грамматики и семантики конкретных правопорядков. Изучение сходства и различия юридических языков позволяет идентифицировать те или иные культурно-исторические традиции и практики правовой организации социальных отношений, а значит, нормативные и интеллектуальные основания выражающих их правовых систем с точки зрения их совместимости или несовместимости, открытости или закрытости, комплементарности и транзитивности.

Явление права существует с начала исторических времен. Это категория фактического бытования социальной реальности. Представление о праве — категория культурно-исторической эпистемологии. Развитие права предполагает становление, формирование и трансформации языка его выражения и осмысления. Право переживается и осмысливается на языке своей эпохи. Архаическое право переживается в ритуалах и осмысливается в мифах. На смену грамматики традиционного правопорядка приходит грамматика рационального правопорядка. Современное право переживается политически в актах признания или непризнания и осмысливается в системе рационально организованных определений, составляющих в совокупности понятийную формацию своей эпохи. Существенное (точнее — инструментальное) значение в практиках становления, формирования и развития правопорядков имеют процессы, состояния

и моменты перехода и смены гештальта (социокультурного кода), на которых закладываются исторические основания и условия будущего правопорядка, его нового нормативного и аналитического языка. Так, на смену социоприродному (юриспруденции звука и жеста) праву приходит историческое (юриспруденция письменного слова, логоса) право, собственное развитие которого уже отходит от правил грамматики кровно-родственных отношений и языка мифопоэтических определений, сохраняющихся лишь в отдельных сакральных и периферийных сегментах и слоях социальной структуры⁹.

Социальный язык права и концептуальный язык права — неравномерные и разновременные аспекты (асинхронные слои) выражения и манифестации правовой реальности и правопорождающей грамматики ее языков, языка практик социальных коммуникаций и языка их определений. Практический язык права и теоретический язык науки права неотделимы друг от друга, но существуют в различных измерениях их общей правовой реальности. Собственная история правоведения, получившая отражение в классической и неклассической традиции понимания права, фактически может быть сведена к четырем стадиям, или состояниям, концептуальной эволюции — эволюции значений и смыслов, вкладываемых в язык юриспруденции своей социокультуры.

Первая архаическая фаза — фаза ритуальной юриспруденции, или юриспруденции отражения права в символических обозначениях его содержания и формы (*юриспруденция архетипов, или практическая юриспруденция*). Вторая переходная фаза — фаза метафизической юриспруденции, или юриспруденции этико-нормативных оснований возникновения и развития права (*юриспруденция ценностей*). Третья, собственно концептуальная фаза — фаза юриспруденции рациональных определений, проблематика которых вращается вокруг различных исторических систем юридических знаний и понимания правовых явлений (*юриспруденция понятий*). Современная фаза дисциплинарной эволюции юридической науки постепенно открывает новую аналитическую перспективу своей теоретико-методологической рефлексии, связанную с изучением юридической науки, как таковой, т.е. разработки самой юридической науки в качестве предмета исследования (*юриспруденция эпистем, или критическая юриспруденция*). Поскольку каждый формат предметной и методологической эволюции юриспруденции существует в рамочных определениях своего категориального и понятийного языка, именно язык юриспруденции образует ее

⁹ См.: *Левин-Стросс К.* Структурная антропология. М., 2001; *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М., 1983; *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М., 1976; *Мальцев Г.В.* Пять лекций о происхождении и ранних формах права и государства. М., 2002; *Его же.* Культурные традиции права. М., 2013.

новый предмет. В этом отношении действительный предмет юриспруденции и есть сама юриспруденция. Развитие юриспруденции отражает движение языка юриспруденции, когнитивных картин мира, стилей правового мышления и действий. Язык юриспруденции в самом себе заключает язык социокультуры своего места и времени. Язык социокультуры является выражением юридических картин мира, т.е. метафизических смыслов и нормативных переживаний разнообразных (фактических, символических) исторических практик социального общения. Различные культурно-исторические формации юридических картин мира — мифопоэтической, религиозно-символической и рационально-логической сами в себе заключают и предлагают собственные юридические языки и техники социального общения, собственную юриспруденцию описания и объяснения реальности.

Юриспруденция в различных аспектах и контекстах своего существования и осмысления составляет (наряду с ментальной, языковой и институциональной) концептуальную часть правовой реальности. Поэтому активно обсуждаемая в литературе тема особого формата юридической науки — интегральной юриспруденции нуждается в переосмыслении, поскольку на любой исторической фазе своего образного, символического или теоретического развития, юриспруденция в своей собственной онтологии, аксиологии и эпистемологии отображает правовую реальность в ее предметной конкретике. Интегральная целостность правовой системы уже в себе заключает историю становления интегральной юриспруденции в различных формациях знаниевого или категориально-понятийного выражения ее предмета и ее аналитики. Совокупный предмет юриспруденции — сложная, многосоставная и многоуровневая категория и конструкция с исторически меняющимися наслоениями правовой реальности, представленной категориальными, дисциплинарными и понятийными кластерами, отражающими культурные — ментальные и когнитивные сдвиги в механизмах соционормативного общения¹⁰.

¹⁰ См.: Нормы и мораль в социологической теории: от классических концепций к новым идеям / отв. ред. И.Ф. Девятко и др. М., 2018. Современное проблемное поле юридической науки предполагает и требует нового языка его концептуализации и ранжирования. Формирование нового социального феномена — сетевого общества и нового правового феномена — сетевого права радикально меняет взгляд на место и функции государства в практиках правообразования и правоприменения. Источником сетевого права являются пересечения сетей социального общения разнообразных агентов, включенных в его юридическое поле и определяющих свою юридическую позицию и нормативную конфигурацию. На смену линейной грамматики государственных иерархий и решений приходит плюральная грамматика гражданских социально-правовых коммуникаций, институтов и конвенций.

Концептуальная эволюция любой научной дисциплины заключает в самой себе кризис собственного развития, которым одновременно завершается и начинается очередной цикл поиска новых предметных и аналитических оснований. Саморефлексия на предмет самое себя — вершина научной эволюции теории права, в которой она находит смысл своего существования как явления с постоянно меняющейся исторической формой концептуализации знания о праве. Структурный разрыв в культурно-исторической эволюции знаниевых форм права заключен в переходе от одного исторического формата осмысления права к радикально другому — от рефлекторной формы отражения правовой действительности (*через подражание, мимесис*) к рефлексивной форме (*через определение, концепт*), от правовых архетипов и ритуалов к правовым концепциям и понятиям. Язык традиций исключает критику наличного правопорядка. Язык новаций — по определению, язык его критики. В этом смысле догматическая и критическая юриспруденция — фундаментальные концептуальные эпохи и альтернативы репрезентации правовой реальности.

Первая и одновременно всегда актуальная проблема теории права, вокруг которой вращаются ее ключевые определения, состоит в периодическом открытии неопределенности своего дисциплинарного статуса. Еще вчера это — доктринальное ядро в системе юридических научных иерархий, сегодня — существование с едва понимаемыми и разделяемыми притязаниями на право быть универсальной и безусловной истиной для всех отраслевых юридических наук. Власть догматического дискурса (концептуальная власть статусных номинаций и классификаций) закончилась тем, чем все кончается, — кризисом жанра и ожиданием, что все когда-нибудь само собой вернется на свое привычное место, а эпоха разрушительной критики формально-логических оснований юриспруденции придет к своему естественному концу.

Отечественная юридическая наука, как и все, что составляет ее доктрину, аксиоматику и аналитику, подвержена инфляции и девальвации. Это — эмпирический факт, масштабы и последствия которого для развития и судьбы самой дисциплины еще предстоит осмыслить. Парадигмальные сдвиги в понимании места и роли теоретической юриспруденции в общем корпусе юридической науки предполагают появление в ее составе критической юриспруденции¹¹. Предметные и концептуальные изменения

¹¹ См.: Фогельсон Ю.Б. Мягкое право в современном правовом дискурсе // Журнал рос. права. 2013. № 9; Мажорина М.В. Сетевая парадигма международного частного права: контурирование концепции // Актуальные проблемы рос. права. 2019. № 4. С. 140—159; Михайлов А.М. Постсоветская теория права и проблематика правовой идеологии // Проблемы постсоветской теории и философии права: сб. ст. М., 2016. С. 180—210.

юридической науки заключены в элементарной формуле «от идеологии к научному методу» или «от эмпирического факта к теории», за которыми скрывается собственная дисциплинарная история науки права. Новая юриспруденция — это не только новый предмет и метод, но и новое понимание эпистемологических оснований дисциплины или способов мыслить то или иное явление в категориях, понятиях и концепциях нового языка дисциплины. Это проблема и тема концептуальных переносов языка юриспруденции от мифа к эпистеме, от эпистемы к эмпирическому факту, от эмпирического факта к понятию.

Язык юриспруденции обладает двойственной природой. Это, с одной стороны, инструмент описания и объяснения феномена права, а с другой — инструмент изучения самого языка научной дисциплины. Кризис формально-догматической юриспруденции лежит за рамками ее собственного предмета и метода. Его истоки заключены в природе вырабатываемого ею юридического знания, основные определения которого выводятся из юридических конструкций, составляющих содержание действующего законодательства. В их основании лежат нормы-дефиниции, нормы-принципы, нормы-декларации, образующие одновременно ее концептуальное и нормативное ядро. Язык формально-догматической юриспруденции — язык прескриптивных суждений, предписывающих понимание нормативного значения тех или иных аспектов правовой реальности, рассматриваемых в качестве объекта формально-догматического анализа. Язык формально-догматической юриспруденции вырабатывается не свободной средой критических высказываний, адресатом которых в первую очередь является и сама дисциплина с точки зрения достоверности получаемого ею знания. Основные категории и понятия здесь заданы системой идеологических инстанций, обеспечивающих их единообразное понимание и применение. Структура и содержание догматической юриспруденции подчинены логике формальных определений, ключевые значения которых санкционированы юридической доктриной. Язык догматической юриспруденции, сложившийся эмпирически под влиянием потребностей развития юридической практики, с точки зрения как своего предмета, так и своего аналитического инструментария выражает определенный исторический этап в развитии самой правовой науки.

Это, несомненно, фундаментальная часть общего правового наследия и капитала юридической науки. Однако она не является сегодня универсальной отмычкой от всех социальных проблем, которые существуют не сами по себе, а в нашем воображении, ограниченном в своем понимании всего разнообразия возможных форм проявления правовой действительности рамками существующей традиции

видеть только то, что можно увидеть в границах определений языка своей социокультуры¹². Борьба двух основополагающих политико-правовых традиций организации правопорядков — коллективистской и индивидуалистической, патерналистской и либеральной в процессах и практиках концептуализации и институционализации ключевых идей современного правопорядка — свободы и равенства, постепенно уходит с исторической сцены, вытесняемая новыми конкурирующими тенденциями развития. Им на смену приходит борьба между порядком глобальной унификации систем социального общения, в котором свобода и равенство становятся всего лишь функциями, а не смыслами человеческого, а значит, и правового существования, и порядком броуновского движения множества пересекающихся систем трансграничных отношений, основанном на принципе консенсуса при условии сохранения собственной юридической автономии и культурной идентичности.

2. Кризис дисциплинарной матрицы: языка, предмета и структуры

Дисциплинарная матрица — система взаимозависимостей между базовыми элементами науки. Юриспруденция — категория с меняющейся исторической формой и содержанием. Это аксиоматическая формула Р. Штамmlера, имеющая универсальное значение в осмыслении любых социальных явлений. Проблема состоит только в том, что динамика и траектории преобразований в составе знаниевых форм и содержания права асинхронны. Конфликт содержательных (*концептов*) и формальных (*аксиом*) определений задан изначально и объективно, в самом факте существования правовых категорий и понятий. Развитие юридической науки протекает в политической и культурной среде различного исторического времени и места. Юриспруденция, рассматриваемая в системе правовых знаний о правовой реальности, не существует в концептуальном пространстве только собственных представлений о праве, поскольку право

¹² Право в своей онтологии и генезисе определяется практиками социального общения и их осмысления на языке социокультуры своей эпохи. Оба процесса (аспекта, функции) юридического конституирования социальной действительности (коммуникативный и когнитивный) в их совместном процессе правообразования и правопонимания лежат в основании формирования грамматики правопорядка, представленной правилами его организации — регулирования, оценки и анализа правовых ситуаций и событий, характеризующих культурно-исторический формат правовых систем своего времени и места (см.: *Полдников Д.Ю.* Договорные теории глоссаторов (XII—XIII вв.). М., 2008; *Его же.* Договорные теории классического *jus commune* (XIII—XVI вв.). М., 2011; *Его же.* Институт договора в правовой науке Западной Европы XI—XVIII веков. М., 2013; *Михайлов А.М.* Идея естественного права: история и теория. М., 2010; *Его же.* Генезис континентальной юридической догматики. М., 2012; *Его же.* Актуальные вопросы теории правовой идеологии и методологии юриспруденции. М., 2016).

является объектом изучения широкого комплекса социально-гуманитарных наук. Концептуальный статус юриспруденции — функция множества внешних и внутренних переменных. Дисциплинарные основания ее собственного развития лежат в системе взаимодействий с другими научными дисциплинами. Актуальная тема современного состояния развития юриспруденции заключена в проблеме совмещения категориальных и понятийных рядов юридической науки в общей системе категориальных и понятийных рядов социальных, политических и экономических наук¹³.

Это позволяет рассматривать наличную систему юридических знаний в качестве социокультурного института, существующего в границах определенной системы правил и эпистемических стандартов квалификации полученных научных результатов, а также кодифицированного языка рассуждений о праве, адекватного или неадекватного той или иной эпохе существования и явления права, и науки права. Кризис юриспруденции с точки зрения ее предмета, аналитического аппарата и дисциплинарной структуры — *исторический факт*, осмысление которого также должно быть предметом научной рефлексии. В этом отношении юриспруденция объективно является предметом исследования, содержание которого составляет определение новой эпистемологической перспективы и выражающей ее юридической теории, теории юридической теории, или метатеории, со своим предметом, аналитическим языком и структурой юридических знаний. В этом аспекте концептуальной эволюции юриспруденции именно эволюция ее знаниевых форм, т.е. преобразований в системах

языка организации и выражения ее предметного содержания, составляет сегодня новую фазу развития юридической науки. Научными маркерами ее самоопределения в логике собственного парадигмального развития является признание наличия и далеко не мирного сосуществования различных конкурирующих исследовательских подходов, означенных в литературе вопроса в качестве классической и неклассической юриспруденции и представленных в составе относительно автономных юридических школ и сообществ.

Введение в проблематику развития права и науки права языковых изменений, протекающих в системе культурно-исторических и эпистемологических координат той или иной эпохи их возникновения и выражения, кардинально меняет общий исследовательский ландшафт существования юридической науки. Фактически оно предполагает одновременно радикальный концептуальный сдвиг не только внутридисциплинарных, но также и междисциплинарных связей и предметных пересечений юриспруденции и лингвистики, юриспруденции и семиотики, юриспруденции и антропологии, лежащих в основании языкового, знаково-символического и аксиологического поворотов внутри самой юридической науки, меняющих ее традиционное место в общей системе социогуманитарного знания. Разработка теории структуры и динамики изменений практического языка правовых институтов и концептуального языка юриспруденции открывает возможность выявить и ввести в аналитическую повестку дня проблему синхронного и асинхронного сосуществования институциональной, концептуальной и языковой составляющих внутри самой правовой реальности. Кризис легитимности и права, и науки права¹⁴ — в определяющей степени производная данного объективного несовпадения (трехязыковой, институциональной и концептуальной) логик культурно-исторической эволюции права в их инерционном или опережающем формате развития. Данная постановка вопроса позволяет в общей структуре юридической науки формировать новое и актуальное для современных условий политико-правового развития исследовательское направление — юриспруденцию кризисов в системах социально-правового общения. Ее предмет — парадигмальные сдвиги правовых систем и смена гештальта или юридической картины мира в ее категориальных, ценностных и когнитивных основаниях и в их взаимных отношениях и определениях.

Теория и история юридической науки — это теория и история представлений о праве и порождаемых ими разнообразных форм права, структурной частью которых являются правовые доктрины и теории,

¹³ См.: Елисеев В.С., Веленто И.И. Теория экономического права. Теория отраслей права, обеспечивающих экономические отношения. М., 2019. Резонно предположить концептуальную потребность формирования в общем корпусе юридической науки гибридных теорий политического права (политически ориентированной юриспруденции), теорий социального права (социологически ориентированной юриспруденции). Проблема лишь в формате конституирования гибридных языков права и науки права. Если процесс формирования интегрированных категориальных и понятийных комплексов будет протекать в рамочных определениях позитивистской версии понимания права, юридическая наука будет продолжать вращаться вокруг категории «*установленное право*», поскольку она не знает и не хочет знать категории «*действующее право*». И развитие собственного аналитического языка будет протекать в логике, исключающей социологическое или политологическое видение и понимание правовой реальности. Элементарная аксиома, что не все установленное право может быть действующим или являться действующим, должна иметь свое категориальное и концептуальное отображение при формировании любой гибридной конструкции теории экономического или политического права, ее аналитического языка и дискурса. Вопрос не в долгожданном явлении теории экономического права, а в ее концептуальном статусе быть именно *новой теорией* экономического права, развивающей свой категориально-понятийный аппарат в логике актуальных тенденций экономического развития, требующих новой аналитики, а не имитации или консервации концептуальных сдвигов в ее дисциплинарной структуре.

¹⁴ См.: Легитимность права / под общ. ред. Е.Н. Тонкова и И.Л. Честнова. СПб., 2019.

правовые концепции и понятия, составляющие в совокупности юриспруденцию, или совокупность знаний о праве и концептуальных форм их выражения и обозначения. Юриспруденция и есть не что иное, как когнитивное проявление и продолжение правовой реальности наряду с образующими ее нормами и ценностями, институтами и процедурами. Юриспруденция имеет свое собственное предметное содержание и свою собственную концептуальную форму, свой язык описания и объяснения различных практик и режимов социально-нормативного общения. Смещение теоретико-методологической рефлексии с традиционной постановки вопроса: «*Что есть право, а что не есть право?*» и поиски ответа на вопрос: «*Что есть наука права, а что не есть наука права?*» означает парадигмальный сдвиг в понимании собственного предмета юриспруденции, и прежде всего в понимании его сложной многоуровневой концептуальной структуры, предполагающей изучение знаниевых форм права и аналитического языка описания и объяснения социокультурной природы права и науки права. Разработка теории юридического языка рассуждения о праве в рамочных определениях классической и неклассической версий понимания права требует качественно иного видения предмета и аналитического инструментария самой юриспруденции, открытия и обозначения новых доктринальных оснований построения ее предметной и дисциплинарной структуры¹⁵.

Разумеется, развитие юриспруденции или отдельных систем правовых знаний о фактах и нормах, ценностях и представлениях о должном или недолжном социальном порядке протекает в рамках наличного социо-политического и культурно-исторического контекста. Очевидно также, что базовые категории и понятия о праве заключают в своих конструкциях и определениях собственную историю юридической науки. Исторически система знаний о праве и форм их концептуализации образует сложную слоистую сегментарную структуру, включающую периферию и парадигмальное ядро, составляющее доктринальное основание формирования и воспроизводства различных систем юридических знаний. Его значение в самоопределении конкретно-исторических форм существования и развития юридической науки фундаментально. Содержание парадигмального ядра образуют когнитивные нормы, концептуальные стандарты и аналитические процедуры верификации и признания вырабатываемого юридического знания рамочным нормативным требованиям их производства и потребления той или иной исторической эпохи. С одной стороны, оно регулирует распределение когнитивных (познавательных) функций и позиций между общими элементами дисциплинарной

матрицы — ее предметно-тематической и категориально-понятийной составляющими. С другой стороны, в зависимости от динамики изменений внешних и внутренних факторов институционального и концептуального развития и преобразований в самой юридической науке меняются как структура внутри- и междисциплинарных связей юридической науки, так и содержание, и состав ее аналитического языка, его собственной аксиоматики и догматики, лексики и семантики.

Язык права и язык науки права — это одновременно языки формы и содержания. Юридический язык в самом себе заключает нормативные и концептуальные границы существования и выражения права, т.е. его понимания, определения и институционализации. Культурно-историческая эволюция юридического языка в самой себе заключает институциональную эволюцию права и концептуальную эволюцию науки права. В этом отношении симптоматично, что институциональная история развития права и концептуальная история развития науки права подчинены общей культурно-исторической логике преобразований в системах практического и теоретического юридического языка. Исторические эпохи развития и изменения юридического языка — это одновременно исторические эпохи изменения исторических форм регулирования практик социального общения и исторических форм их концептуализации. Любая состоявшаяся научная дисциплина — процесс и итог длящейся многовекторной концептуальной эволюции, в которой сосуществуют, наслаиваясь друг на друга, различные временные срезы ее становления и самоопределения в системе конкурирующих теорий, подходов и научных школ. Заключая в себе, своей собственной структуре и языке, словах и значениях извилистую историю своего действительного и иллюзорного существования, сама наука становится предметом научной рефлексии — археологии социального знания, в своих исходных основаниях представленной в работах М. Фуко¹⁶ и признанной научным сообществом исследовательской традицией¹⁷.

Отечественная юридическая наука в весьма ограниченной степени вписывается в современные тенденции и логики концептуального развития¹⁸. К со-

¹⁶ См.: Фуко М. Археология знания. СПб., 2004; История понятий, история дискурса, история метафор / пер. с нем. под ред. Х.Э. Бёдекера; науч. ред. В. Дубиной. М., 2010.

¹⁷ См.: Интеллектуальный язык эпохи. История идей, история слов / отв. ред. С.Н. Зенкин. М., 2011; Бёрк П. Что такое культуральная история? М., 2015.

¹⁸ См.: Венгеров А.Б. Значение археологии и этнографии для юридической науки // Сов. государство и право. 1993. № 3; Венгеров А.Б., Куббель Л.Е., Першиц А.И. Этнография и науки о государстве и праве // Вестник АН СССР. 1984. № 10; Культуральные исследования права / под общ. ред. И.Л. Честнова, И.Н. Тонкова. СПб., 2018.

¹⁵ См.: Берг Л.Н. Правовое воздействие: инструментальный аспект. Екатеринбург, 2019.

жалению, пребывая длительное время в изоляции от ключевых направлений их оформления и структурирования в основной части бытования своего исторического предмета, которая не связана потребностями международно-правового контекста общения¹⁹, она продолжает жить в определениях формально-догматического подхода к праву, его аналитического языка и актуальной тематики. Преодоление сложившейся инерции научного развития²⁰ и практики механических заимствований идей и терминологии, выработанных в иных политико-правовых культурах понимания и отношения к праву в формате *актуальных* научных дискуссий и весьма скромной и несистемной переводческой активности зарубежных научных источников, не решает и не снимает накопленного груза возникающих юридических проблем. История концептуального развития без изменений и ностальгических воспоминаний о юридическом прошлом подошла к своему логическому концу²¹. Судьба Бурданава осла, по-видимому, пока еще окончательно никого и ничему не научила, поскольку унылая картина массового производства и оборота учебной юридической литературы, повторяющей когда-то аксиоматичные для своего времени противоположения²², не прекращается, а напротив, продолжает свое триумфальное шествие, несмотря на титанические усилия отдельных юридических школ и их представителей выйти из тени этатистско-легалистского наследия. Присутствие архаичного прошлого в настоящем, разумеется, всегда сохраняется, однако до поры до времени, которое может просто закончиться без какой-либо перспективы наступления будущего.

(Окончание в следующем номере)

¹⁹ См.: Демин А.В., Гройсман С.Е. Фактор принуждения в контексте «мягкого права» // Lex Russica. 2019. № 4. С. 56–67.

²⁰ См.: Синуков В.Н. Общая теория права и развитие отраслевых юридических наук // Актуальные проблемы рос. права. 2018. № 9. С. 19–29.

²¹ См.: Лафитский Вл. О правовом наследии России и его возрождении в борьбе за право. М., 2018.

²² Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. М., 1940; Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949; Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961; Алексеев С.С. Проблемы теории права: курс лекций. Т. 1–2. Свердловск, 1972–1973; Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2011; Байтин М.И. Сущность права. Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. Саратов, 2001; Марченко М.Н. Теория государства и права: учеб. [Электронный ресурс]. М., 2016. Это – вершины советского позитивизма. Мир классической советской юриспруденции, завершив свою научную биографию, оставил концептуальное наследие, закрытое для развития. Сегодня общий кризис отечественного правоведения выражается в хаотическом поиске новых методологий и жанров юридического знания без осевой парадигмы их общей концептуализации. Это, конечно, еще не конец юридической тьмы, но очевидный симптом наступления юридического света – от пустого заимствования чужих слов к освоению их действительных значений. Смотреть – не означает видеть, говорить – не означает понимать, а тем более – быть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С.С. Проблемы теории права: курс лекций. Т. 1–2. Свердловск, 1972–1973.
2. Байтин М.И. Сущность права. Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. Саратов, 2001.
3. Берг Л.Н. Правовое воздействие: инструментальный аспект. Екатеринбург, 2019.
4. Бёрк П. Что такое культуральная история? М., 2015.
5. Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976.
6. Васильева Н.В. Категория «правовое регулирование» в понимании советских юристов // Вестник Томского гос. ун-та. 2010. № 331.
7. Венгеров А.Б. Значение археологии и этнографии для юридической науки // Сов. государство и право. 1993. № 3.
8. Венгеров А.Б., Куббель Л.Е., Першиц А.И. Этнография и науки о государстве и праве // Вестник АН СССР. 1984. № 10.
9. Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949.
10. Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013.
11. Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. М., 1940.
12. Демин А.В. «Мягкое право» в эпоху перемен. Опыт компаративного исследования. М., 2016.
13. Демин А.В., Гройсман С.Е. Фактор принуждения в контексте «мягкого права» // Lex Russica. 2019. № 4. С. 56–67.
14. Елисеев В.С., Веленто И.И. Теория экономического права. Теория отраслей права, обеспечивающих экономические отношения. М., 2019.
15. Иглтон Т. Теория литературы. Введение. М., 2010. С. 19.
16. Интеллектуальный язык эпохи. История идей, история слов / отв. ред. С.Н. Зенкин. М., 2011.
17. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961.
18. История понятий, история дискурса, история метафор / пер. с нем. под ред. Х.Э. Бёдекера; науч. ред. В. Дубиной. М., 2010.
19. Кагарлицкий Ю., Маслов Б. Между Фреге и Фуко: методологические ориентиры исторической семантики // Понятия, идеи, конструкции. Очерки сравнительной исторической семантики. М., 2019. С. 9–38.

20. *Кацис Л.Ф.* Смена парадигм и смена парадигмы. Очерки русской литературы, искусства и науки XX века. М., 2012.
21. *Кроткова Н.В.* История и методология юридической науки («Круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и журнала «Государство и право») // Государство и право. 2016. № 4. С. 5–31.
22. Культуральные исследования права / под общ. ред. И.Л. Честнова, И.Н. Тонкова. СПб., 2018.
23. *Лафитский Вл.* О правовом наследии России и его возрождении в борьбе за право. М., 2018.
24. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 2001.
25. Легитимность права / под общ. ред. Е.Н. Тонкова и И.Л. Честнова. СПб., 2019.
26. *Лейст О.Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2011.
27. *Мажорина М.В.* Сетевая парадигма международного частного права: контурирование концепции // Актуальные проблемы рос. права. 2019. № 4. С. 140–159.
28. *Мальцев Г.В.* Культурные традиции права. М., 2013.
29. *Мальцев Г.В.* Пять лекций о происхождении и ранних формах права и государства. М., 2002.
30. *Марченко М.Н.* Теория государства и права: учеб. [Электронный ресурс]. М., 2016.
31. *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М., 1976.
32. *Михайлов А.М.* Актуальные вопросы теории правовой идеологии и методологии юриспруденции. М., 2016.
33. *Михайлов А.М.* Генезис континентальной юридической догматики. М., 2012.
34. *Михайлов А.М.* Идея естественного права: история и теория. М., 2010.
35. *Михайлов А.М.* Постсоветская теория права и проблематика правовой идеологии // Проблемы постсоветской теории и философии права: сб. ст. М., 2016. С. 180–210.
36. Нормы и мораль в социологической теории: от классических концепций к новым идеям / отв. ред. И.Ф. Девятко и др. М., 2018.
37. *Полдников Д.Ю.* Договорные теории глоссаторов (XII–XIII вв.). М., 2008.
38. *Полдников Д.Ю.* Договорные теории классического *ius commune* (XIII–XVI вв.). М., 2011.
39. *Полдников Д.Ю.* Институт договора в правовой науке Западной Европы XI–XVIII веков. М., 2013.
40. *Проди Паоло.* История справедливости. От плюрализма форумов к современному дуализму совести и права. М., 2017.
41. *Рикер П., Гадамер Х.-Г.* Феноменология поэзии. М., 2019.
42. *Синюков В.Н.* Общая теория права и развитие отраслевых юридических наук // Актуальные проблемы рос. права. 2018. № 9. С. 19–29.
43. *Старобинский Ж.* Поэзия и знание: История литературы и культуры. Т. 1–2. М., 2002.
44. *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М., 1983.
45. *Фогельсон Ю.Б.* Мягкое право в современном правовом дискурсе // Журнал рос. права. 2013. № 9.
46. *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра / подгот. текста, общ. ред. и послесл. Н.В. Брагинской. М., (1936), 1997. С. 56, 106.
47. *Фуко М.* Археология знания. СПб., 2004.

REFERENCES

1. *Alekseev S.S.* Problems of the theory of law: a course of lectures. Vol. 1–2. Sverdlovsk, 1972–1973 (in Russ.).
2. *Baitin M.I.* The essence of law. Modern normative legal understanding on the verge of two centuries. Saratov, 2001 (in Russ.).
3. *Berg L.N.* Legal impact: instrumental aspect. Yekaterinburg, 2019 (in Russ.).
4. *Burke P.* What is cultural history? М., 2015 (in Russ.).
5. *Vasil'ev A.M.* Legal categories. Methodological aspects of the development of the system of categories of the theory of law. М., 1976 (in Russ.).
6. *Vasilyeva N.V.* Category “legal regulation” in the understanding of Soviet lawyers // Bulletin of the Tomsk state University. 2010. No. 331 (in Russ.).
7. *Vengerov A.B.* Significance of archaeology and Ethnography for legal science // State and Law. 1993. No. 3 (in Russ.).
8. *Vengerov A.B., Kubbel L.E., Pershits A.I.* Ethnography and the science of state and law // Bulletin of USSR Academy of Sciences. 1984. No. 10 (in Russ.).
9. *Vyshinsky A. Ya.* Questions of the theory of state and law. М., 1949 (in Russ.).
10. *Gadzhiev G.A.* Ontology of law (critical study of the legal concept of reality). М., 2013 (in Russ.).
11. *Golunsky S.A., Strogovich M.S.* Theory of state and law. М., 1940 (in Russ.).
12. *Demin A.V.* “Soft law” in the era of change. Comparative research experience. М., 2016 (in Russ.).
13. *Demin A.V., Groysman S.E.* The factor of coercion in the context of “soft law” // Lex Russica. 2019. No. 4. P. 56–67 (in Russ.).

14. *Eliseev V.S., Valenta I.I.* Theory of economic law. Theory of branches of law providing economic relations. M., 2019 (in Russ.).
15. *Iglton T.* Theory of literature. Introduction. M., 2010. P. 19 (in Russ.).
16. The intellectual language of the age. History of ideas, history of words / rev. ed. S.N. Zenkin. M., 2011 (in Russ.).
17. *Ioffe O.S., Shargorodsky M.D.* Questions of the theory of law. M., 1961 (in Russ.).
18. The history of concepts, the history of discourse, the history of metaphors / ed. by Kh. E. Baedeker; sci. ed. V. Dubina. M., 2010 (in Russ.).
19. *Kagarlitsky Yu., Maslov B.* Between Frege and Foucault: methodological guidelines of historical semantics. Concepts, ideas, constructions. Essays on comparative historical semantics. M., 2019. P. 9–38 (in Russ.).
20. *Katsis L.F.* Paradigm Shift and paradigm shift. Essays of Russian literature, art and science of the XX century. M., 2012 (in Russ.).
21. *Krotkova N.V.* History and methodology of legal science (“Round Table” of the Department of theory of state and law and political science of the faculty of law of Lomonosov Moscow state University and the journal “State and Law”) // State and Law. 2016. No. 4. P. 5–31 (in Russ.).
22. Cultural studies of law / ed. by I.L. Chestnov, I.N. Tonkov. SPb., 2018 (in Russ.).
23. *Lafitsky VI.* On the legal heritage of Russia and its revival in the struggle for the law. M., 2018 (in Russ.).
24. *Levi-Strauss K.* Structural anthropology. M., 2001 (in Russ.).
25. The legitimacy of laws / under the General ed. of E.N. Tonkov and I.L. Chestnov. SPb., 2019 (in Russ.).
26. *Leyst O.E.* The essence of law. Problems of theory and philosophy of law. M., 2011 (in Russ.).
27. *Majorina M.V.* Network paradigm of private international law: the concept of contouring // Actual problems of Russ. law. 2019. No. 4. P. 140–159 (in Russ.).
28. *Maltsev G.V.* Cultural traditions of law. M., 2013 (in Russ.).
29. *Maltsev G.V.* Five lectures on the origin and early forms of law and the state. M., 2002 (in Russ.).
30. *Marchenko M.N.* Theory of state and law: Textbook [Electronic resource]. M., 2016 (in Russ.).
31. *Meletinsky E.M.* Poetics of myth. M., 1976 (in Russ.).
32. *Mikhaylov A.M.* Topical issues of the theory of legal ideology and methodology of jurisprudence. M., 2016 (in Russ.).
33. *Mikhaylov A.M.* The genesis of continental legal dogmatic. M., 2012 (in Russ.).
34. *Mikhaylov A.M.* The idea of natural law: history and theory. M., 2010 (in Russ.).
35. *Mikhaylov A.M.* Post-Soviet theory of law and problematics of legal ideology // Problems of post-Soviet theory and philosophy of law: collected papers. M., 2016. P. 180–210 (in Russ.).
36. Norms and morality in sociological theory: from classical concepts to new ideas / rev. ed. I.F. Devyatko et al., 2018 (in Russ.).
37. Afternoon tea by contractual theory of the glossators (twelfth – thirteenth centuries). M., 2008 (in Russ.).
38. *Poldnikov D.Yu.* Contractual theories of classical jus commune (XIII–XVI centuries). M., 2011 (in Russ.).
39. Institute of contract in the legal science of Western Europe XI–XVIII centuries. M., 2013 (in Russ.).
40. *Prodi Paolo.* History of justice. From the pluralism of forums to the modern dualism of conscience and law. M., 2017 (in Russ.).
41. *Riker P., Gadamer H.-G.* Phenomenology of poetry. M., 2019 (in Russ.).
42. *Sinyukov V.N.* General theory of law and development of branch legal Sciences // Actual problems of Russ. law. 2018. No. 9. P. 19–29 (in Russ.).
43. *Starobinsky J.* Poetry and knowledge: the history of literature and culture. Vol. 1–2. M., 2002 (in Russ.).
44. *Turner V.* Symbol and ritual. M., 1983 (in Russ.).
45. *Fogelson Yu. B.* “Soft law” in modern legal discourse // Journal of Russ. law. 2013. No. 9 (in Russ.).
46. *Freidenberg O.M.* The poetics of plot and genre / prepared. text, General ed. and afterword. N.V. Braginskaya. M., (1936), 1997. P. 56, 106 (in Russ.).
47. *Fuko M.* Archaeology of knowledge. SPb., 2004 (in Russ.).

Сведения об авторе

ВЕДЕНЕЕВ Юрий Алексеевич – доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); 125993 г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

Authors' information

VEDENEEV Yury A. – Doctor of Law, Professor of the Department of theory of state and law of Kutafin Moscow state Law University (MSLA); 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., 125993 Moscow, Russia